

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИФОПОЭТИЗМОВ В ИЗОБРАЖЕНИИ «НОЧИ» В КАЗАХСКОЙ ЛИРИКЕ

Аймухамбет Ж. А., Сарекенова К. К.

РГКП на ПВХ «Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева» Министерства образования и науки Республики Казахстан», Казахстан, Астана (010008, Астана, ул. Кажымукана 5), e-mail: a_zhanat@mail.ru; sarekenova@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы образности в современной лирике, роль мифических представлений в системе поэтического мышления. Анализируются художественные приемы изображения ночи в казахской лирике, поэтические традиции Абая, Магжана Жумабаева, новшества и достижения поэтов других поколений, таких как: Есенгали Раушанов, Гульнар Салыкбай и Нурлан Маукенулы. Различные художественные методы и разные приемы, используемые при передаче образа ночи, рассматриваются во взаимосвязи с поэтическим мастерством авторов. Сделаны заключения об особенностях образа ночи в национальной лирике. Одним из доказательств достижений современной казахской поэзии является мастерство лирических изображений. В этом направлении поэты весьма гармонично реализовали древние мифопоэтические приемы в своих произведениях, что позволило им раскрыть новые горизонты художественного познания.

Ключевые слова: казахская лирика, национальная поэзия, мифологическое мышление, мифическое сознание, природа, эмоциональные наслоения, темнота (тьма, мрак), хаос, олицетворение, образ ночи, день, Абай, Лермонтов, Гете, Магжан Жумабаев, художник (поэт).

MYTHOPOETISMS IN DEPICTING “NIGHT” IN KAZAKH LYRICS

Aimukhambet Z. A., Sarseknova K. K.

Republic and state agriculture management “Eurasian National University after Gumilyov L. N.” The Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Astana (010008, Astana, Kazhymukan 5), e-mail: a_zhanat@mail.ru; sarekenova@mail.ru

This article deals with the problems of imagination in modern lyrics, the role of myth realization in a poetic cognition system. The artistic receptions of image of night are analysed in the Kazakh lyric poetry, poetic traditions of Abai, of Magzhan Zhumabaev of innovation and achievement of poets of other generations, as Esengali Raushanov, Gulnar Salykbai and of Nurlan Maukenuly. Various artistic methods and different ways, treated by depicting “night”, considered to be in relations with poetic masterpiece of poets. We have made conclusions of particularities of image “night” in national lyrics. One of proofs of achievements of modern Kazakh poetry is skill of lyrical images. In this direction poets very harmoniously realized ancient mifopoetichesky receptions in the works that allowed them to open the new horizons of art knowledge.

Key words: kazakh lyrics, national poetry, mythological way of thinking, nature, emotional layer, darkness (gloom, pitch), chaos, embodiment, image of night, image of day, image of Abai, image of Lermontov, image of Gete, image of Magzhan Zhumabayev, image of artist-pet.

В поэтических произведениях находит отражение символический, метафорический характер мифологического мышления, тесно сплетающегося с мышлением художественным. В казахской национальной литературе, особенно в поэзии, можно найти множество примеров проявления мифопоэтических представлений.

В процессе подготовки статьи были использованы методы описания, анализа, сравнения.

В эпоху мифологического мышления вся природа воспринималась как живой дух, обладающий разумом. Известно, что образные, иносказательные, метафоричные средства в системе художественного мышления основываются на уверенности людей в том, что человек

и природа равны (находятся в гармоничном равновесии), что для природы так же, как и для человека, характерны разные эмоциональные состояния – радости, печали, размышления. С. Каскабасов в своем исследовании, посвященном мифам, отмечает, что сложившееся в древние времена представление о человеке как о неотъемлемой части природы со временем приобрело концептуальный характер [1; 89].

Ночь, приемы изображения которой рассматриваются в настоящем исследовании, тоже является одним из явлений и частью этой природы, точнее одним из ее периодов, состояний. В мифических сказаниях, к которым восходят все другие фольклорные жанры – сказки, легенды, предания, именно ночью осуществляют свои деяния, направленные против человека, злые силы, такие как *жезтырнақ* (буквально: *медный коготь*, злое мифическое существо), *албасты* (демоническое существо в образе женщины, по поверьям, вредящее роженице). В мифах о сотворении мира упоминается о первоначальном хаосе и пугающей тьме. Тьма – черный цвет – ночь прочно закрепились в человеческом сознании как предвестники горя, несчастья и всегда порождали страх. Сама жизнь представляет собой борьбу света и тьмы, добра и зла, поэтому понятиям «свет – добро – день» придаются общие характеристики, им противопоставляются понятия «тьма – зло – ночь». Со временем древнее человеческое мышление в соответствии с этапами развития переросло в художественное, и это устойчивое представление стало поэтическим понятием и приобрело большое значение для выражения внутреннего мира лирического героя, вуалирования мыслей, использования иносказательных средств. Ночь уже не характеризуется односторонне как чарующая, загадочная тьма, а становится единой поэтической картиной, наполненной тайнами и чувствами, обладающей живой силой и выступающей в качестве художественного образа. При обзоре истории развития национальной поэзии в известных строках Абая можно встретить пример воспевания ночи, наиболее близкий к изначальным представлениям:

Қараңғы түнде тау қалғып / Горные вершины
Ұйқыға кетер балбырап. / Спят во тьме ночной;
Даланы жым-жырт дел-сал ғып / Тихие долины
Түн басады салбырап [2; 29], / Полны свежей мглой;

Автором оригинала этого стихотворения является немецкий поэт Гете, а автором его русскоязычного варианта – русский поэт Лермонтов.

Характер ночи в них раскрывается с помощью таких слов, как *қараңғы* – темный, *ұйқыға кету* – засыпать, *жым-жырт* – тихий, безмолвный, *дел-сал* – безмятежный, меланхоличный. В лирике Абая в качестве примера изображения ночного времени как каких-то загадочных мгновений можно привести стихотворение, которое начинается строками: «Желсіз түнде жарық ай» («Ясный месяц в безветренной ночи»). В нем описание

ночи предстает перед читателем в виде живой картины, отражающей дрожание на воде лунного света, шум бегущей в овраге реки. Явления природы, ее различные сезоны всегда были одной из основных тем в стихотворном творчестве казахских поэтов. Столкновения чувств, душевные переживания лирического героя, его настроение очень часто переносятся ими на природный пейзаж, сравниваются с природными явлениями, таким образом природа заняла ведущее место в познании человеческой природы. Это заключение подтверждает анализ стихотворений современной казахской лирики, в которых присутствует образ ночи.

В строках стихотворения «Пайғамбар» («Пророк») Магжана Жумабаева предстает единая ассоциация запад – ночь – тьма, в которой проявляются взгляды автора на свою эпоху, происходящие перемены:

Тьма окутала запад,

Солнце зашло, новый рассвет еще не наступил.

Хмурыми ходят порожденные ночью демоны,

Топчущие ногами своего Всевышнего (подстрочный перевод) [6; 51].

Как отмечалось ранее, тьма – ночь обычно воспринимаются как признаки зла, горя, и поэт изображает злых людей в виде «порожденных ночью демонов, топчущих ногами небо» («Тәңірісін табанына таптаған, түннен туған перілер»). Противопоставляя друг другу ночь и рассвет, тьму и свет, Запад и Восток, автор выражает свои позиции. Этому произведению созвучно стихотворение «От» («Огонь»). Здесь автор говорит: «Тьма – мой враг» («Қараңғылық – дұшпаным»). В ореоле печали и горя предстает ночь и в стихотворениях «Айға» («Луне»), где автор называет луну «скорбной» («қайғылы ай»), и «Түн еді» («Была ночь»). Если в стихотворениях Абая ночь используется автором как фон, на котором проявляются те или иные моменты в жизни природы, то в творчестве Магжана она служит для улавливания определенных мыслей автора. В целом не во всех стихотворениях поэта, творчеству которого свойственна лиричность, ночи придается характер скорби и печали. В любовной лирике ночь предстает в ином описании. Остановимся на следующих выражениях из стихов поэта: «жып-жылы түн маужырап» («теплая-теплая ночь истомляет»), «жібек түн» («шелковая ночь»). Можно сказать, что поэт по-новому подошел к поиску сравнений при описании ночи, и этот выбор оказался удачным, поскольку в творчестве поэтов более позднего периода сфера применения этих сравнений значительно расширилась и углубилась. В качестве примера рассмотрим стихотворение Е. Раушанова «Түннің көз жасы» («Слезы ночи»). В первых же строках указанного произведения проявляется характерное для творчества поэта использование метаморфоз, где ночь сразу выступает в качестве персонажа:

Желая превратиться в листок,

*Прячусь я в зарослях колючего тростника
Оседлавшая вороного коня
Ночь ищет меня,
Ищет меня, спускаясь в овраги,
поднимаясь на равнины (подстрочный перевод) [3; 71].*

В казахской национальной поэзии есть замечательные образцы использования такого литературного приема как олицетворение. Художественный уровень олицетворения в данном стихотворении высок, равно, как и в других образцах. Описываемая, как правило, определениями «караңғы» («темная»), «қаракөк» («иссиня черная»), «қара» («черная»), ночь здесь изображается «меңсіз қара ат мінген» («оседлавшей вороного коня»). Понятно, что встречающиеся в сказках образы рассвета «на белом коне», ночи «на вороном коне» порождены анимистическими поверьями древних людей. А «меңсіз қара ат мінген түн» (буквально: «оседлавшая вороного коня ночь») предстает в виде нового художественного образа, притягивающего к себе мир эмоций и чувств лирического героя, склонного к грусти, в одиночестве и смятении ищущего поддержки. В этих строках можно наблюдать, как каждое явление природы, каждый ее сезон, одушевляемые автором, живописно выражают его мысли и, выступая в качестве художественного приема, доставляют читателю эстетическое наслаждение. Говоря об индивидуальном характере творчества, свойственном каждому поэту, мы принимаем во внимание отдельное целостное изображение.

*Ищет меня на берегу реки,
Потому что я в мыслях ее.
Ночь, развевая свои черные волосы,
Течет между деревьев (подстрочный перевод).*

Описываемые в первой строфе поиски лирического героя, которыми в смятении озабочена ночь (естественно, по представлению самого героя), находят свое развитие во второй строфе. Ночь теперь не движется, «оседлав черного без пятен коня», а «развевая черные волосы, течет между деревьев» («қара шашын жел жайып, ағаштар арасынан ағады»). Изображается ускорение поисков. Такое развитие сюжета обнаруживает определенную связь между лирическим героем и «персонажем» ночи. Здесь целесообразно отметить, что посредством соединения метафоры с символом передается трепет души и состояние чувств самого лирического героя, а не ночи. Свидетелем этой загадочной связи между привязанной к лирическому герою и нуждающейся в его поддержке ночью и лирическим «я», «желающим превратиться в листок» («жапыраққа айналып»), раствориться в природе, является лишь Небо. Слово «я» поэт пишет маленькой буквой, при этом названия «Ночь», «Небо» пишутся им с заглавных букв. Что кроется за этим? На первый взгляд, в этом нет ничего необычного.

Все становится понятным, если внимательнее вникнуть в содержание этого лирического стихотворения, отображающего внутренний мир человека. Размышления, выходящие за рамки научного анализа, приводят нас к мысли о том, что Небо здесь представляет собой разум лирического героя, а ночь – его печальные и лиричные чувства, впечатления. Это субъективное мнение. Тем не менее, чтобы подтвердить его, обратимся к деталям стихотворения. Духовный мир лирического героя, желавшего изначально «превратиться в листок», «прячущегося в зарослях колючего тростника», вдруг становится всей окружающей природой. Призывающий к спокойствию разум в виде Неба выполняет только контролирующие функции. Чувство же, дышащее в такт биению сердца, в образе Ночи ищет своего хозяина, который хочет подальше убежать от него. Чувства действуют более активно по сравнению с разумом. Подача упомянутого выше «я» маленькой буквой обусловлена тем, что сам лирический герой будто скрыт, а его настроение как бы подменено ночью. То есть метафора «ночь» несет в себе основную нагрузку. Не сумевший убежать от своего чувства лирический герой, в конце концов, воссоединяется с ночью:

*Найдет наконец тот, кто много блуждал, найдет
И опустит мне на грудь свою голову, беззвучно всхлипывая,
... Я изначально создан для того,
чтобы утешать (подстрочный перевод).*

В этих строках отражается бессилие нежной человеческой души перед чувствами. Посредством изображения того, как Ночь изливает слезы на груди у лирического героя, автор намекает на эмоциональные наслоения и столкновение чувств. Мы не зря говорим о противоречиях внутреннего мира человека. В следующих строках это обострение весьма явно представлено поэтическими выражениями:

*Шепчет,
Плачет,
Сладко смеясь.
Любит меня все-таки,
Не забыла (подстрочный перевод).*

Плач и смех – противоположные друг другу эмоциональные состояния, противоречащие понятия. Если эти противоположные понятия ставятся в один ряд, они выражают изменчивое состояние какого-то единого существа. Лирический герой встречается с ночью, чтобы собрать воедино свой разделившийся надвое внутренний мир, прийти к какому-то решению. Автор изображает это строками:

*Вдыхаю безмолвно,
Вдыхаю*

Аромат волос ее, наполненный мятой (подстрочный перевод).

В самом названии стихотворения – «Слезы ночи» – есть скрытый смысл. С помощью таких изобразительных средств как переходящие друг в друга метафора – олицетворение – символ, мир романтической, загадочной и впечатлительной души лирического героя рисуется в контексте художественной действительности. Стихотворение вполне можно назвать произведением субъективно-элегического мотива. В этой связи вспоминаются заключения литературоведа, критика Т. Шапая о роли природы в изображении внутреннего мира человека в лирике [5; 162–164]. Ученый-критик, изучая историю изображения природы и человека в поэзии и его приемы, отмечает, что основным характерным признаком поэзии Дальнего Востока, в частности, японской поэзии является мотив стремления человека раствориться в природе. Опираясь на выводы исследователей, он показывает, что для них главная задача элитной поэзии заключается в отображении посредством природы неразделимости «я» и «не я» [5; 163]. Бесспорно, что и в нашей национальной поэзии природа занимает важное место. Коренное отличие же от японской поэзии заключено в том, что ни в народной, ни в современной письменной казахской поэзии нет строгих эстетических канонов, от которых нельзя отклоняться. В воспевании природы казахские поэты прибегают к силе вдохновения и художественным выражениям оригинального характера. Казахская поэзия, представившая на суд читателей замечательные образцы, отображающие гармонию человека и природы, отыскала исключительные приемы образного, иносказательного выражения мысли и обогатилась стихотворениями с глубоким поэтическим смыслом. Наши предки, которые вели кочевой образ жизни, считали природу священной, наделенной душой и разумом. Это представление, с течением времени обновляясь и видоизменяясь, стало источником вдохновения для художественного мышления. Правомерность высказанного мнения можно подтвердить рассматриваемыми стихотворениями.

Поэтическое мастерство и авторская индивидуальность Есенгали Раушанова, вносящего свой вклад в развитие художественного богатства национальной поэзии, особенно ярко проявляются в его лирических стихотворениях на тему настроения, отражающего гармонию человека и природы. Рассмотренное выше стихотворение, в котором вместе сплелись тонкий лиризм и глубокий психологизм, есть показатель широты познания и силы таланта поэта.

Еще один пример «очеловечивания» ночи, где она выступает в качестве художественного образа – стихотворение с глубоким философским подтекстом, начинающееся строками «Түн деген – Көроғлы, көр баласы» («Ночь – Короглы, дитя могилы») [3; 124]. Взятый поэтом в качестве детали стихотворения сюжет из общей для тюркских народов поэмы «Көроғлы» о ребенке, родившемся в могиле, наводит на

глобальные общечеловеческие, мировоззренческие размышления. Противоречивость понятий Ночь-День, часто встречающихся в поэзии Магжана Жумабаева, у Есенгали Раушанова описываются в строках:

*Как брат-Солнце покажется из-за горного хребта,
Убегает он прятаться в могиле (подстрочный перевод) [3; 124].*

Основная мысль произведения образно выражается поэтической зарисовкой в следующем четверостишье:

*Мы можем зарыть в могилу правду, сказав, что она умерла,
Но останется жить скрытая в ней истина
Вырастают родившиеся в могиле дети,
Не знающие еще ни хитрости, ни коварства (подстрочный перевод).*

Мифический сюжет о жизни в могиле в определенной степени способствовал художественному выражению философской мысли. То, что такие приемы по сравнению с сухими наставлениями и голой дидактикой усиливают эстетическое воздействие поэтических произведений, является аксиомой, не требующей доказательств.

Выше было сказано о том, что в казахской национальной поэзии присутствует индивидуальное своеобразие в изображении природы. В основном это своеобразие связано с национальным характером. В качестве примера того, как национальный характер проявляется в создании многогранного художественного образа ночи, можно привести стихотворение казахской поэтессы Гульнар Салыкбай, начинающееся словами: «Түн. Ауыл. Иісі сүр еттің...» («Ночь. Аул (деревня). Запах вяленого мяса...»):

*Ночь. Аул. Запах вяленого мяса...
Озорной ветерок коснулся моих волос.
В небе промелькнула звезда – вздрогнула я,
Слезинка ночи ли это? (подстрочный перевод) [4; 38].*

В этих строках находим поэтическое выражение «түннің көз жасы» («слеза ночи»), созвучное стихотворению Есенгали. В первой строке автор сумел вместить целую картину ночи в казахском ауле. Особенность образа ночи у Гульнар – в видении промелькнувшей звезды как слезинки ночи. Сентиментальный и чуткий лирический герой поэтессы не оставляет за рамками мира своих ощущений ни падающую звезду, ни коснувшийся волос озорной ветерок. Ночь также занимает важное место в выражении тревоги и печального состояния души автора:

*Сон перестал нас признавать,
И уши, бедняги, не слышат приятной песни.
Мысли, как сорвавшийся с поводка пес,*

Привязались к косе черной ночи (подстрочный перевод) [4; 37].

Определенно, внешний мир, взятый под прицел в данном произведении, тесно связан с авторским «я». В этом и скрыт смысл того, что в стихотворении женщины-поэта ночь изображена с косой. «Черная ночь с косой» – само естество лирической героини, ищущей чего-то сильно желаемого, зависимого от чувств. Цель ее поисков – вторая личность, изображаемая в виде «Сіз» («Вы»). То есть ночь – образ, сливающийся с субъектом, а «Вы» – объект, на который нацелен этот субъект. В целом этот образ – «Вы» в стихотворениях Гульнар Салыкбай, создавая единый мотив, становится отдельным персонажем.

Художественные приемы вносят особый вклад в решение с помощью тонких словесных оборотов серьезных философских задач, ставящихся перед лирикой, и их удачное применение – доказательство мастерства поэта. Использование того или иного художественного приема в тех или иных обстоятельствах не всегда бывает удачным. Здесь особенно необходимо умение выражать образными словами максимально насыщенные сокровенными ощущениями состояния и представления, бдительность и чувствительность.

Список литературы

1. Каскабасов С. Золотая жила: Монография – Москва: Художественная литература, 2010. – 688 с.
2. Abai. Eki tomdyk shygarmalar – t. 2. – Almaty: Zhazushy, 2004. – 336 b.
3. Raushanov E. Khara bauyr kaskaldak. – Almaty: Zhalyn, 1995. – 384 b.
4. Salykбай G. Aspandagy angсаруу. – Almaty: Zhazushy, 2001. – 144 b.
5. Shapai T. Shyn zhurek – bir zhurek: Gylymi zertteu – Almaty: Zhazushy, 2000. – 256 b.
6. Zhumabaev M. Shygarmalar. – Almaty: Zhazushy, 1989. – 448 b.

Рецензенты:

1. Журавлева Евгения Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана.
2. Аманбекова Марал Бимендиевна, доктор филологических наук, доцент, и.о. профессора кафедры общего языкознания и теории перевода Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана.